

ЖЕНСКИЕ СУДЬБЫ

Ирина Бовтрукевич

Сумей дождаться рассвета

Теперь важно то,
что ждет нас впереди, а не то,
что мы пережили...

Женские судьбы (Четыре Четверти)

Ирина Бовтрукевич

Сумей дожждаться рассвета

«Четыре четверти»

2026

УДК 821.161.1(476)-3
ББК 84(4Бей=Рус)6-44

Бовтрукевич И. М.

Сумей дождаться рассвета / И. М. Бовтрукевич — «Четыре четверти», 2026 — (Женские судьбы (Четыре Четверти))

ISBN 978-985-581-776-6

Двадцать лет молчания разделяют Киру и Женю, когда-то бывших ближе сестер. Их дружба, юность, ранние браки и привычный круг общения остались в прошлом после внезапного разрыва. Спустя десятилетия звонок подруги вырывает Киру из размеренной жизни и заставляет вернуться к воспоминаниям, чтобы наконец узнать правду о том, что же случилось тогда, и расставить все точки над і. «Минские перекрестки» — это пронзительный роман о судьбе женщины, где главными становятся не исторические катаклизмы, а сложные человеческие отношения и чувства: любовь, дружба, предательство и прощение. В книгу также вошли и другие истории о женских судьбах.

УДК 821.161.1(476)-3
ББК 84(4Бей=Рус)6-44

ISBN 978-985-581-776-6

© Бовтрукевич И. М., 2026
© Четыре четверти, 2026

Содержание

Минские перекрестки	6
Восьмидесятые	8
Навстречу судьбе	8
Муки выбора	9
Димины история	12
Светлана	16
Трагедия Тамары... и страны	19
Один из десяти	20
Прогулка с сюрпризом	22
Любовь и Люба	23
Утренний гость	26
Первая свадьба	27
Страшный кабинет	28
Заглянуть в будущее	30
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Ирина Бовтрукевич

Сумей дожждаться рассвета

© Бовтрукевич И., 2026

© ОДО «Издательство “Четыре четверти”», 2026

Минские перекрестки

Роман

Поколению перемен посвящается

Рингтон телефона вырвал меня из текста о компьютерных чипсетах. Звонила бывшая подруга. Слово «бывшая» к Жене подходило с натягом, скорее – давняя, причем настолько, что я и не знала, как она теперь выглядит. Когда-то, много лет назад, мы были очень близки: дружили с ясельного возраста, ходили в одну группу детского садика, позже – в один класс, да и замуж вышли в течение одного года, когда нам «стукнуло» по девятнадцать. С тех пор прошло два десятка лет, и вот сегодня Евгения приглашает меня встретиться. А почему, собственно, нет? Давно пора расставить все точки над і.

– Кира Михайловна, там в «Глобал» еще одна статья на семь тысяч знаков пришла. Посмотрите и положите Саше в папку, пусть верстает, – прокричала мне Верочка, сидящая за нагромождением стеллажей.

– Угу, – промычала я, еле сдерживая себя. Ну почему в этом журнале все делается в пожарном порядке?

Закончив с редактурой, я собралась звонить Жене. Но – как всегда, в последнюю минуту – рядом вдруг возник главный редактор Рудольф, Бог знает где пропадавший половину рабочего дня:

– Кира Михайловна, вы все проверили? И выходные данные тоже?

– Все сделала, все в порядке. Убегаю, у меня сейчас встреча с бывшей одноклассницей. Очень важная. Пожелайте удачи.

Косо взглянув на меня, Рудольф выдавил сквозь зубы:

– Удачи.

Подхватив сумку и пакет с халтурной корректурой от чужого журнала, я бросила на ходу дежурное «до свидания» и стала набирать номер подружки. Выбежав из здания, направилась в сторону кинотеатра «Москва» – места нашей встречи. Уже через пару минут я оказалась там, но, покрутив головой в надежде увидеть женщину, хотя бы немного напоминающую Женю (конечно же, ту, которую я помнила), так никого и не заметила. И тут откуда-то из-за спины раздался знакомый с детства голос:

– Кира!

Ко мне направлялась стильная женщина.

– Привет! – вымолвила я, сразу же почувствовав себя несколько неловко. Я не собиралась никуда заходить после работы, поэтому и одета была соответственно: простые джинсы, летние шлепки и кофточка с маечкой, выдавшие виды... Женю же – в светлом летнем пиджачке, ладно сидевшем на ней, и мини-юбочке.

– Господи, не верю своим глазам, Кира! Ты ли это? Очень рада тебя видеть.

– Я тебя тоже, Женя.

Казалось, одноклассница была действительно рада и настроена, видимо, на долгое общение, а вот я как-то растерялась. И дело не только в том, что мы долго не виделись: в прошлом между нами было многое, а кое-что так и осталось невыясненным.

– Куда пойдём? – прервала она мои размышления. – Давай посидим в кафе?

– Давай. Только я не собиралась, – снова взглянув на свой прикид, я робко предложила: – Может, где-нибудь на улице?

– Точно, здесь же рядышком есть кафе с фонтаном. Там тебе понравится.

Расположившись и заказав для храбрости «по сто», мы засыпали друг друга вопросами. Потихонечку внутри стало отпускать. Женя рассказала мне о том, как жила последние годы, показала фото повзрослевшей дочери.

– Машенька! Какая красивая! – порадовалась я за подругу.

– Да, выросла девочка, учится, работает, старается, в общем. А как твой Матвей?

– Сын уже на четвертом курсе, – улыбнулась я.

– Как живешь? Где ты сейчас работаешь?

– Сейчас хорошо, Женя. Работаю в частном издательстве. А было по-разному. Начинать с нуля всегда нелегко. Особенно после предательства самых близких людей, которым безгранично верила.

– Понимаю тебя. Но тогда я не могла не поверить Лере. Уж слишком невероятной казалась вся эта ситуация. Для меня, во всяком случае.

Я промолчала. Но мы обе понимали, что разговора о прошлом не избежать, ведь мы не общались двадцать лет.

– Лера мне сказала, что ничего не было, ты все придумала сама, – продолжила Женя.

Я грустно улыбнулась, глядя в глаза подруги, и спросила:

– А зачем мне это было нужно, она не объяснила заодно?

Вздохнув и переведя дух, я попыталась отстраниться от воспоминаний:

– Все в прошлом, Женя. Знаешь, я даже им свечки за здоровье в церкви ставила. Я много лет отползала, как раненый зверек, от этой боли, оставляя за спиной пустыню, покрытую пеплом.

Невольно события стали всплывать в моей памяти и понеслись кинолентой.

Восьмидесятые

Навстречу судьбе

Только что отзвенел последний школьный звонок. Нам, 17-летним выпускницам 1983 года, казалось, что вся жизнь впереди и все непременно будет хорошо.

– На «Дзержинку» пойдём? Ну ёлы-палы! Девчонки! – не унималась Лера, уговаривая нас с Женей хотя бы в субботний вечер сходить куда-нибудь на дискотеку.

– Я больше хочу во Дворец железнодорожников, там дискотека веселее, – заартачилась я.

– А мне все равно, только от «Дзержинки» добираться легче, – подала голос Женя, ковырявшаяся в сумке в поисках ключей.

– Ладно, уговорили. Сейчас – по домам, наводить марафет. Встречаемся в семь у моего подъезда, – скомандовала я.

Мы разбежались по разным подъездам одного дома, где жили всю свою сознательную жизнь. Это была ведомственная пятиэтажка, населенная семьями обычных строителей и расположенная в западной части Минска, тогда – на самой его окраине. Прямо за нашей школой простирались поля и остатки леса. Еще была жива деревня Тивали, в которой жили несколько наших одноклассников. На угловой горке, соединяющей улицу Притыцкого с проспектом Пушкина, где сейчас разместились кинотеатр «Аврора» и гостиница «Орбита», возвышались огромные буквы «Слава КПСС», по которым мы, школьники, лазили, ничего не боясь и проверяя их на прочность. Теперь в этом районе ходит метро, а город разросся на многие-многие километры в сторону Гродно. Бывая в Кунцевщине, Сухарево и Каменной горке, я уже и сама с трудом могу поверить, что когда-то на месте выросших там современных домов мы гоняли на лыжах по лесу и катались на коньках по замерзшему озеру.

Встретившись вечером, Лера, я и Женя оглядели друг друга и, удовлетворенные собственной неотразимостью, двинули в сторону проспекта Ленина. Билеты, на наше счастье, в кассе еще были. В бодром состоянии духа – мол, все кавалеры наши – мы побежали прихорашиваться. Внизу, около зеркал, встретили еще трех знакомых девчонок, в том числе и Тамарку из нашего же класса. Вообще-то, она всегда и всюду неизменно появлялась в сопровождении Валеры, своего парня. Но того совсем недавно призвали в армию, и Томка скучала дома, лишь иногда выбираясь с нами на дискотеку. Вот такой огромной кучей мы и направились в танцевальный зал.

Надо сказать, что хотя Дворец культуры имени Ф. Дзержинского построили еще в послевоенные годы, но было в нем нечто притягательное и для современной молодежи: не то расположение в центре города, не то особая, уютная обстановка. Танцевальный зал каждый выходной набивался битком. Среди завсегдатаев, конечно, были и мы, поэтому многих там уже знали.

Как только прозвучали первые аккорды, наша компания дружно рванула в центр и заняла почти половину зала. Местные называли нас «группой захвата», а нам было весело. Мы, что называется, отрывались.

Заканчивался очередной танец, когда я, подхватив Женьку под руку, поволокла ее «припудрить носик», так как заиграла медленная музыка. Лера же осталась с другими девчонками подпирать стены.

Вернувшись, мы с удивлением обнаружили, что наша подруга танцует под композицию группы «Секрет Сервис» с молодым и довольно интересным парнем в военной форме. Когда музыка закончилась, он галантно подвел Леру к нам и через секунду представил еще одного солдатика срочной службы, своего друга. Парней звали Дмитрий и Павел. Уж не знаю, чем

им обоим так приглянулась наша Лерочка, но именно с ней они протанцевали весь вечер. По очереди.

Как это всегда и бывает, развлекательная программа быстро подошла к концу. Одевшись и распрощавшись со всеми, мы с Женей вдвоем отправились домой. Не спеша подошли к дому, но там ждал сюрприз: Лера стояла возле своего подъезда в сопровождении сразу двух кавалеров, не зная, видимо, как от них отделаться. Она обрадовалась нашему появлению и с мольбой смотрела, молчаливо прося о помощи. Мы снова поздоровались, и тут подошла Люба, старшая сестра Жени. Она забрала свою «младшенькую» домой: мол, поздно, детям спать пора. Так я одна осталась выручать Леру. Дурацкое положение, ничего не скажешь. Солдатики опаздывали, им давно нужно было быть в военной части, но ни один, ни другой не хотел уступать. Мы немного потоптались, как дурни, около Леркиного подъезда, и я, чтобы не молчать, стала приставать с вопросами:

– Где вы служите?

– Наша часть находится в минском аэропорту, – ответил Павел.

– Так это ж далеко, вы наверняка опаздываете, вам попадет, – ехидничала я.

– Конечно. Если заметят, – усмехнулся Дмитрий.

– А что, могут не заметить?

– Если нас прикроют, начальники не заметят, – продолжал улыбаться Дмитрий, почему-то пристально рассматривая меня.

– Странная военная часть, – ситуация раздражала меня все больше и больше. Потоптавшись пару секунд и решив не мучиться, я оставила-таки Леру разбираться с ее кавалерами самостоятельно: в конце концов, сама виновата, надо было давно уже определиться!

– Просто такая специфика, – как-то невпопад сказал Павел.

– Ладно, ребята, я пойду домой. До свидания, – попрощалась я и, поймав недоуменный взгляд подруги, побежала к своему подъезду. Дмитрий мне что-то прокричал, но что – я уже не расслышала. Конечно, мне было любопытно, как события будут развиваться дальше, поэтому я не стала подниматься на свой этаж, а воспользовалась традиционной темнотой в подъезде: пристроилась у окна и увидела, что Леру пошел провожать Дмитрий. Павел же остался ждать друга на улице. Удовлетворив свое любопытство, я спокойно отправилась спать.

Муки выбора

Стояла осень. Женя с Лерой учились в вузах, а я мыла пробирки на кафедре микробиологии Медицинского института. Для поступления в БГУ мне не хватило каких-то несчастных полбалла, а попросту говоря, я пролетела и собиралась в следующем году попробовать свои силы еще раз. Мои будни тянулись, как резина, изо дня в день – одно и то же. Как-то вечером, когда я сидела у телевизора, в дверь позвонили.

– К тебе Лера, – позвала меня мама.

Я поднялась с кресла и пошла в прихожую. На пороге стояла подруга и блаженно улыбалась.

– Привет, вид у тебя загадочный, что-то случилось? – спросила я.

– Случилось. В общем-то, – Лера заговорщически показала на мою комнату.

– Ну, не тяни kota за хвост, – закрывая дверь, потребовала я. – Говори, в чем дело.

– Павел звонил.

– И?

– Павел звонил, – повторила Лера.

– Павел... Этот тот, что поменьше?

– Да.

– Ты не перепутала случайно? Там темно было, – засмеялась я.

– Хватит издеваться, я не знаю, что делать, – лицо подруги не оставляло сомнений, что она действительно озабочена решением проблемы.

– А номер телефона ты кому давала? – я решила внести ясность. – Обоим, что ли?

– В том-то и дело, что телефон я дала Павлу еще на «Дзержинке».

– Так вот почему он так спокойно предоставил Диме возможность тебя провожать: мол, я первый. Да, молодец. Ну, а что Дмитрий?

– Ничего! У него, оказывается, был просто спортивный интерес: главное – Павлу не уступить. Я это сразу поняла. А вот Паша – тот, по-моему, действительно...

– Что действительно?

– Ну, в общем, я ему понравилась, – опустив глазки, застенчиво произнесла Лера. – И он мне тоже.

– Вот это да. Просто совет да любовь. Главное – не забывай, что тебе только семнадцать.

– Слушай, Кир, мне не до смеха. Как с Димой быть?

– Он что, тебе звонил или что-то предлагал?

– Нет.

– Так чего ты переживаешь? Встречайся с Павлом. Они сами разберутся.

Лера вздохнула и нехотя согласилась со мной. Я же вообще не понимала, чего это она так распереживалась. Подруга ушла, и разговор забылся. Однако через несколько дней Лера снова явилась с новостями.

– Ну, кто звонил на этот раз? – не дав ей опомниться, начала я.

– Ой, ну кто? Павел, конечно. Скоро выходные. Должны дать увольнительную.

– Я за тебя рада, будешь гулять по городу с солдатиком, покормишь несчастного, – похихикала я.

– Тебе кое-кто привет передавал.

– Хм... Это кто же?

– Дима!

– С какой такой стати? Ему что, компания нужна в увольнении? Так бы и сказал, а не юлил.

– Мое дело передать. Сказал, что, если ты не дашь ему свой номер телефона, он вымрет, как динозавр.

Я задумалась. Что это за окольный путь такой: бегают за одной, провожают ее, а телефон нужен мой. Но Лерке все-таки удалось меня уговорить. Обсудив все детали, я решила, что от меня не убудет, если я дам Диме номер. Пусть звонит. В конце концов, я могу поговорить с ним по телефону, а вот встречаться – это как захочу, по настроению. Вот только какой номер дать? Домашнего телефона у меня не было, и я назвала свой рабочий – один почти на всю кафедру. Назвала, но ждать звонка не собиралась и практически сразу забыла об этом.

Спустя некоторое время, в разгар рабочего дня, я, как всегда, мыла свои пробирки и слушала байки старшей лаборантки Марии Савельевны. Неожиданно дверь комнаты отворилась, и громкий голос Валентины, нашего местного комсомольского вожака, произнес:

– Кира, тебя к телефону.

Отложив пробирки и вытерев руки, я стала соображать, кто это может быть, потому что напрочь успела забыть о том, что передавала номер. Я подошла к аппарату и тут же поняла, что поговорить спокойно не получится: несколько пар ушей готовились услышать все, что я скажу.

– Кира, – на том конце провода прозвучал томный, обволакивающий своим обаянием голос Дмитрия.

– Здравствуйте, – тихо проямлила я.

– Мы на «ты», если ты не против, – мягко промурлыкал Дима. – Кира, не обижайся, что так получилось. Я все объясню, но лучше при встрече. Просто у нас с Павлом был определен-

ный «джентльменский» договор. Давай встретимся. Мы в субботу в увольнении на целый день. Вчетвером погуляем, где-нибудь посидим.

– Ничего не понимаю. Вы... Ты в мою сторону даже не... – начала я, но вовремя вспомнила, что меня слушают. – Я не знаю. Как-то все странно, неожиданно. Я подумаю и передам через Леру, ладно?

– Ага, – очень мягко и удовлетворенно снова промурлыкал Дима, решив, видимо, что я уже согласилась. – Так значит, я беру увольнение?

– Ну бери, – неопределенно сказала я. – Ладно, пока. Я не могу долго говорить, это рабочий телефон.

– Пока. Я очень надеюсь на встречу с тобой, Кир. До субботы, – закончил разговор Дима.

Три дня, оставшихся до выходных, я пыталась вспомнить, как он выглядит, прокручивала в памяти детали того вечера в надежде вспомнить хоть что-то, говорившее о Димином интересе ко мне, и пыталась отыскать ответы на свои вопросы в поведении Павла. Но ничего так и не надумала. Зато теперь Дима просто не выходил из головы: было в его голосе что-то завораживающее и, увы, очень привлекательное для меня.

Когда наступила суббота, мои сомнения потихоньку улеглись. Правда, возникла проблема: в этот день меня уже пригласил на свидание другой парень. Однако под нажимом Леркиных аргументов я ему все-таки отказала и отправилась на встречу с Димой и Павлом.

Мы встретились на Немиге и решили пойти в кафе «Ласточка»: там можно было вкусно поесть, составив компанию голодным солдатикам, и, наконец, познакомиться с ними поближе.

Расположившись в одной из уютных кабинок, я и Лера заказали по бокалу вина и салатику, а ребята – еще и по горячему. Потихоньку обстановка разрядилась, молодые люди травили анекдоты, рассказывали о своей службе, веселили нас как могли. Но самым удивительным было другое: Дима действительно смотрел только на меня и делал все, чтобы завоевать мою симпатию. Общаться с ним оказалось легко – стоило начать говорить о чем-то, как он тут же подхватывал тему, шутил и каламбурил. Создавалось впечатление, будто мы знакомы уже очень давно.

К концу вечера я окончательно расслабилась и почувствовала себя совершенно свободно. Лера с Павлом весело щебетали о чем-то своем, танцевали и даже иногда старались уединиться. Но время неумолимо: нашим солдатам нужно было возвращаться на службу. Желания попасть на гауптвахту еще раз не возникало (в день нашего знакомства их все-таки поймали и наказали). Поэтому мы нехотя направились к выходу. Парни уже не успевали проводить нас домой, и мы расстались сразу, как только вышли из «Ласточки».

Был дивный осенний вечер. Стоял октябрь, но природа не спешила огорчать нас дождями и ветрами, традиционными для этой поры в Белоруссии. Листва почти покинула свои насиженные места на деревьях и кустарниках, но та, что еще осталась, украшала городской пейзаж.

Я очень люблю такие безветренные вечера – возможно, потому что они крайне редко бывают. Вообще-то, белорусский вариант осени и зимы мне не нравится: в это время года неуютно, дискомфортно, приходится надевать на себя огромное количество одежды. Про зонтики же в занятых сумками руках и говорить не приходится. Серые, без солнца, да к тому же короткие дни – ну как они могут нравиться? Видимо, для того чтобы изменить мое мнение, в этом году осень, что называется, удалась. Яркое солнышко, теплый воздух и палитра городской листвы все-таки заставили меня согласиться с Пушкиным в оценке этой поры года.

Но не только погода поднимала настроение. Было и еще кое-что. По дороге домой Лера не унималась, приставая ко мне с вопросами. Я же находилась в прострации: растерянность, обуревавшая меня в начале встречи с Димой, сменилась каким-то непонятным чувством тоски и... желанием увидеть его снова.

Надо сказать, что к своим 17 годам недостатка в кавалерах я не испытывала и уже имела опыт общения с противоположным полом, но какой-то... одноразовый, что ли. Желания уви-

деть парня снова как можно скорее никогда не возникало. Я не скучала и с удовольствием почти всякий выходной бегала на свиданки с разными кавалерами. А тут... Я заскучала по Дмитрию, как только рассталась с ним. Настроение было великолепным: я совершенно точно знала, что нравлюсь Диме. Не Лера, а я. Говорят, что мужчины и женщины заселились на Землю с разных планет, поэтому им так трудно понять друг друга. Мое знакомство с Димой – тому подтверждение! Хотя теперь-то какая разница, кого он там провожал, главное – сегодня он весь вечер был со мной, а Лера просто сидела рядом. Между прочим, с другим парнем.

Как мы узнали, Павлу и Дмитрию оставалось служить чуть более полугодом: Паша должен был демобилизоваться весной, а Дима – летом. Они оба оказались в рядах нашей славной армии уже после окончания учебных заведений. Точнее, Диму призвали после третьего курса московского института. Что там случилось и почему его так спешно сорвали с учебы и «остригли» – держалось в тайне, завесу над которой я смогла приоткрыть только некоторое время спустя.

Мы встречались практически каждый раз, когда нашим солдатикам давали увольнительные, – иногда вчетвером, иногда парами. Я даже познакомила Диму со своими родителями. Он летел ко мне, ловя любой подходящий момент, частенько сбегая в самоволки. Так прошла зима, наступила долгожданная весна, а вместе с ней – и ощущение неизбежных перемен.

Дими́на история

Март – предвестник тепла и долгожданного лета. Роман Леры с Павлом шел к счастливому логическому разрешению – даже разговоры о свадьбе начались. А Дима не звонил уже третью неделю. Я ждала звонка каждую минуту. Каждый сигнал телефона, совсем недавно наконец-то появившегося в нашем доме, вызывал бешеное биение сердца. Извелась так, что уже не получалось скрывать это от окружающих. Женя с Лерой успокаивали как могли, каждый раз выдвигая всевозможные версии для оправдания такого поведения Дмитрия. Оставался единственный шанс узнать, в чем дело, – выяснить у Павла. Конечно, подруга постоянно спрашивала о Диме, но парень твердил, что не хочет об этом говорить: мол, Кира с Димой сами разберутся.

Не оставалось ничего другого, кроме как подумать, что Дима вот так вдруг оборвал наши отношения, без объяснений пропав из моей жизни. Я почти ничего не ела, замкнулась в себе, никого не хотела видеть и, тем более, ни с кем разговаривать. Я пыталась хоть как-то справиться с той обжигающей, сумасшедшей болью внутри, от которой темнело в глазах и от которой, увы, еще никто на свете не придумал лекарства. Я таяла, как свечка, похудела и, казалось, потихоньку сходила с ума.

* * *

Как-то, сидя в своей комнате и готовясь к вступительным экзаменам, я пыталась сосредоточиться на содержании учебника по истории КПСС. По радио пела Алла Пугачева: «Разлук так много на земле и разных судеб...»

Оторвавшись от книги, я взглянула в окно, крепко задумалась и не услышала звонка. Пришедшая на обед мама открыла мою дверь и попросила подойти к телефону.

– Кирюш, это я. Не бросай трубку, – молил знакомый голос.

Я еле смогла тихо произнести:

– Я слушаю.

– Прости меня. Так надо было... В выходные мне дают увольнительную, я приеду, можно?

– Мне нужно готовиться к поступлению. И вообще не могу ничего тебе сказать.

– Кир, я все объясню при встрече. Ну прости меня! Я позвоню в пятницу, если получится. А нет – так в субботу сразу приеду к тебе, – почти бархатным и, как всегда, завораживающим голосом сказал Дима.

– Как хочешь, – вымолвила я, едва справляясь с эмоциями. Стоит ли начинать все сначала? Уже пережила... Может, отправить его куда подальше? Я призывала на помощь здравый смысл, но сердце! Женщина – существо слабое, если речь заходит о чувствах.

Дима в пятницу позвонил, а в субботу утром – приехал. Открыв дверь, я ошалело смотрела на него и не узнавала. Передо мной стоял Дима, но не в форме, а в какой-то рубашке с короткими рукавами и в таких же странных брючках не по размеру.

– Ты что, кого-то по дороге раздел? – удивилась я.

– Это мое, только до армии. Но не в этом дело. Можно пройти? – смутился Дима.

– Проходи, – пропуская его в квартиру, растерянно проговорила я. Он разделся и двинулся за мной, смущаясь, краснея, путаясь ногами в коврах и на ходу по очереди говоря: «Здравствуйте!» моим маме, папе и старшей сестре Галине. Квартира родителей имела совершенно дурацкую планировку: чтобы пройти в спальню или ко мне в комнату, приходилось здороваться со всем семейством, ибо путь неизбежно лежал через зал, где традиционно размещались все, кто в этот момент оказывался дома. Даже в туалет невозможно было пройти незамеченным: число таких походов обязательно фиксировалось всеми без исключения.

Закрыв дверь, я пригласила Диму присесть, а сама встала у окна, приняв защитную позу.

– Кирюш, ну Кирюш! Ну не дуйся, – Дима подошел ко мне и крепко обнял. Вырываясь, я запротестовала:

– Ты что, с ума сошел?! Сюда же в любой момент могут войти, да и прислушиваются наверняка!

– Ну и что?

– Как «ну и что»? Папа тебя просто выбросит из дома, если узнает, – продолжала возмущаться я.

– Мы взрослые люди! Тебе через месяц восемнадцать! Или они думают, что мы тут книжки читаем? – не унимался Дима, продолжая обнимать меня.

– Я слушаю тебя, Дима.

– Может, хоть чаем напоишь голодного солдата? – он явно оттягивал разговор.

– Хорошо, – сдалась я, – сейчас принесу.

Я вышла из комнаты и направилась на кухню, где мама накрывала на стол:

– Надо покормить парня, Кира. А потом будете выяснять отношения. Может, у него действительно была уважительная причина. Всякое могло произойти.

– Не знаю, мама. Обед он не заслужил. Сейчас чаем напою, а там видно будет, – воспротивилась я и поставила чайник на огонь. Потом разложила по вазочкам печенье и конфеты, поставила на поднос сахарницу, подхватила все это и ушла в комнату. Дима смиренно сидел на диване, листая журнал «Работница і сялянка».

– Интересно? У меня еще есть несколько женских журнальчиков, «Бурда» например. Шить научишься, – пошутила я, ставя поднос на стол. – Чайник сейчас закипит.

– Кир, – неожиданно серьезным тоном заговорил Дима и отложил журнал в сторону, – я ненадолго уезжал домой. Нужно было. Я никогда не говорил тебе о своих родителях, а вот теперь, видимо, придется, чтобы ты все поняла.

– Тебе что, дали отпуск перед самой демобилизацией? – удивилась я.

– Да, в виде исключения, можно сказать. Я не успел даже предупредить тебя. И не хотел второпях объяснять ситуацию, – чуть помолчав, Дима продолжил: – Мне ведь теперь и возвращаться некуда. Вернее, можно поехать к матери или к отцу, а вот дома – моего дома – как такового теперь нет. Родители наконец-то развелись. Мама всю жизнь работала диспетчером в «Аэрофлоте», а отец летал. Мы жили очень неплохо, у нас была большая трехкомнатная

квартира и машина. Каждый год мы все вместе ездили отдыхать на юг. Нам с братом казалось, что так будет всегда. Но когда я учился на первом курсе Московского государственного университета, а брат Георгий уехал по распределению в Ригу, отец с матерью отправились в отпуск к родственникам в Белоруссию. Здесь у отца остались братья, он хотел их навестить. Я точно не знаю, что произошло между родителями, но из этой поездки они вернулись практически чужими людьми. Отец всячески пытался наладить отношения, но мать – ни в какую. А потом мы узнали, что уже поданы документы на развод. Процесс продолжался почти два года: родители никак не могли разделить имущество. И вот месяц назад их все-таки развели. Квартиру разменяли, мать уехала в какой-то маленький город в Тульской области, а отец перебрался поближе к родственникам – в Солигорск. Это где-то здесь, в Белоруссии. Когда я узнал, то обратился к командованию. Честно говоря, даже не думал, что из этого может что-то получиться, но мне дали небольшой отпуск, чтобы я смог помочь матери перевезти вещи и как-то ее поддержать. Она очень болезненно переносит все это.

В дверь постучали, и тут же в комнату вошла моя сестра, державшая в руках чайник.

– Попейте чайку, – сказала она, автоматом оценивая обстановку на предмет того, чем мы тут занимаемся в уединении.

Я разлила чай по чашкам и приготовилась слушать Диму дальше:

– И что ты теперь будешь делать?

– Кирюш, я не знаю. Наверное, как и Павел, буду поступать в Политехнический институт в Минске.

– Так... Ты же вроде уже учишься, не жаль терять время? Тебе осталось всего пару лет! – искренне удивилась я, хотя в глубине души была рада сложившимся обстоятельствам.

Дима задумчиво посмотрел на меня и улыбнулся:

– Знаешь, видимо, это судьба. В том смысле, что мы встретились.

– Да уж... Судьба... Тебе напомнить, как все произошло?

– Не нужно. Хочешь, скажу, почему повел себя так?

– Ты же говорил, что никогда не признаешься. Или передумал? – я смотрела на него удивленными глазами, втайне надеясь, что сейчас наконец-то произойдет чудо – я узнаю тайну нашего, мягко говоря, странного знакомства!

Чуть помедлив, Дима обнял меня и, глядя в глаза, заговорил:

– Знаешь, я заметил тебя сразу, как только вы вошли в зал. И раньше, чем Леру. Но тогда просто побоялся получить отказ – мне показалось, что ты не захочешь встречаться с солдатом. У тебя был очень неприступный вид: такая гордая, независимая. Я, конечно, не из робких, но отказ сразу означал бы, что я тебя больше никогда не увижу. А так я и адрес узнал, и тебя не потерял из виду.

– Очень оригинальный ход. А ты не подумал, что я просто не захочу тебя видеть после того, как ты бросился провожать Леру?

– Так ты, оказывается, и это знаешь? – смутился Дима, но тут же снова заговорил: – Зато я увидел тебя настоящую. Девчонки же, как поймут, что нравятся парню, так сразу начинают кривляться. И попробуй узнай, какая она на самом деле. Пока разберешься, время пройдет...

– Значит, торопился? Хитрый, да?

– Ага-а, – Дима крепко обнял меня.

В дверь комнаты снова постучали. Я вырвалась из его крепких рук и бросилась открывать. На пороге стояла мама:

– Молодежь, может, пообедаете? – спросила она утвердительным тоном и добавила: – Дима, наверное, с голоду умирает, а ты его тут разговорами мучаешь и пустым чаем поишь.

– Сейчас придем, – сдалась я.

Дверь закрылась, а Дима засмутился:

– Как-то неудобно, – хотя по глазам было видно, что он рад такому перерыву в нашем разговоре.

Я же, совершенно необъяснимым образом, почему-то чувствовала, что между нами все-таки оставалось что-то недосказанное, недоговоренное. В конце концов, существовала же причина, по которой Диму отправили в армию с третьего курса института, хотя у его отца наверняка были связи, и тот смог бы если не совсем «отмазать» сына, то хотя бы отсрочить службу.

После плотного обеда, как только мы оказались в комнате одни, я решила вернуться к прерванному разговору:

– Дима, почему ты ушел в армию с третьего курса института?

– Знаешь, я не совсем уверен, что нужно об этом говорить, – сопротивлялся он.

– Ты что, не понимаешь, что сейчас только подлил масла в огонь? Такое ощущение, что и здесь не обошлось без женщины. Я хочу знать правду, иначе все время буду мучиться!

– Как хочешь, – вздохнул Дима и стал рассказывать. И чем больше рассказывал, тем больше портилось мое настроение.

У него действительно была девушка, звали ее Светланой. Одна из самых красивых девочек в их школе, отличница, дочь богатых родителей, «золотая молодежь». Дима со Светланой встречались с восьмого класса, дружили и по окончании школы даже поступили в один вуз. Все шло замечательно, но, по словам Димы, это была всего лишь дружба: они вместе интересно проводили время. К тому же родители Светочки прочили ей в мужья молодого человека из своего круга – будущего дипломата. Когда девушке исполнилось двадцать лет, они завели разговор о свадьбе. Дима оставался за бортом в любом случае: жениться он не собирался, да и родители с обеих сторон категорически противились этому браку. Однако Светлана ничего не хотела слушать – ей был нужен только Дима. Она сбегала из дома и приходила к нему в любое время суток. Наконец отец Светланы поговорил с Димой по-мужски: ты все равно пока жениться не хочешь, а девушка – «товар скоропортящийся», помоги своей подруге устроить личную жизнь. Ее будущий супруг собирался скоро ехать за границу, и было бы замечательно сделать это вместе с законной супругой.

Усилиями обеих сторон появилось решение отправить Дмитрия... в армию, а за время его службы выдать Светлану замуж за Кирилла – того самого будущего дипломата. Естественно, Дима не хотел соглашаться на эту авантюру и портить собственную жизнь – тем более с перспективой попасть в Афганистан, – но все-таки оказался в рядах Военно-воздушных сил СССР. Что произошло на самом деле, какие доводы сыграли решающую роль – так и осталось для меня тайной. Конечно, отец Димы сделал все, чтобы сыну служилось тепло и комфортно. Бывший студент третьего курса МГУ стал солдатом срочной службы и оказался в небольшой военной части, расположенной прямо в минском аэропорту № 1. Никаких казарм там не было и в помине, а солдатики жили как у Бога за пазухой.

– Свадьба уже состоялась? – прервала я Димин рассказ.

– Да, совсем недавно, в феврале, – он опустил голову и, по-моему, даже смутился. – Кирюш, я никогда ее не любил. Это просто детская привязанность, дружба. Разве ты ни с кем не дружила в школе? – будто подслушав мои мысли и поймав растерянный взгляд, Дима подошел ко мне и обнял. Мы оба молчали, переваривая все сказанное.

– А где-нибудь покурить можно? – нарушил он тишину.

– На балконе. Пойдем, я покажу, – поправив одежду, я вышла в зал, увлекая Диму за собой. Все мое семейство проводило нас взглядом.

Светлана

– Кирюш, я очень люблю тебя, а не Светлану. Тебя, понимаешь? С первой встречи, – в голосе Димы сквозило столько боли и чувств, что не поверить ему было практически невозможно. – Но то, что я скажу сейчас, тебе не понравится.

– Господи, что еще? – я почти рыдала. – Говори же наконец! Ты меня сегодня замучил уже своими загадками.

Собравшись с духом, Дима сообщил:

– Светлана в Минске, приехала попрощаться со мной: они с Кириллом уезжают в Италию. Надолго – возможно, навсегда.

– Что?! – мои ноги стали ватными. Дима вовремя подхватил меня под руку и попросил:

– Ну не нервничай ты так...

Чуть помолчав, добавил:

– Она уедет завтра, но напоследок хочет... встретиться с тобой.

Дима затушил сигарету, и мы вернулись в комнату.

– Чем больше ты говоришь, тем больше мне хочется сказать «прощай»! – я уже не могла скрывать свои эмоции. Мысль о том, что все эти дни он встречался со Светланой, проводил с ней время и еще Бог знает что делал, буравила мозг и обжигала сердце.

Ожидая откровенного рассказа, я, конечно, понимала, что услышу много неприятного, даже допускала в мыслях, что узнаю про соперницу. Но одно дело – допускать, и совсем другое – убедиться в ее наличии. К тому же она, оказывается, «хочет меня видеть»!

– Я-то ей зачем?

– Светлана хочет с тобой познакомиться и посмотреть на девушку, которую я люблю. Извини, Кирюш, но я рассказал ей и о тебе, и о том, что у меня серьезные намерения. Прошу – согласишься на встречу. Уверяю, что не дам тебя в обиду. Потом она уедет и уже больше никогда не будет беспокоить нас.

– То есть Светлана планирует передать мне тебя, как переходящий вымпел победителя соревнований?!

Повисла пауза.

– Когда она возвращается в Москву? – чуть успокоившись, выдавила я сквозь зубы.

– Завтра. Ну пожалуйста, Кира... Может, сейчас назначим встречу на вечер? – Дима пытался определить, выдержу ли я сегодня еще одно испытание. – Позвоню ей в гостиницу и договорюсь.

Мы вышли на улицу, чтобы проветриться и без лишних ушей окончательно решить, как поступить.

– Который час? – спросила я.

– Половина седьмого, мы еще все успеем, – поторопил меня Дима. Я же никак не была готова к такому повороту событий, да и боялась встречи с «московской львицей». Мы вышли на площадь Притыцкого, где, как назло, ровным рядом стояли телефонные будки.

– Нужно решить все и сразу, Кирюш! И тебе, и мне, и ей – всем станет легче, – атаковал Дима.

– Ладно, звони, только встретимся где-нибудь в центре: я не хочу, чтобы нас видели в этом районе, – мертвым голосом произнесла я.

Дима вошел в кабинку и набрал номер. Через секунду я услышала, как он спокойным, ровным голосом заговорил:

– Светлана, привет. Ты как, готова? Давай встретимся около почтамта в семь. Где находится? Да напротив твоей гостиницы. Мы сейчас приедем. Ага, давай. До встречи.

– Запомни, что я иду на это только ради того, чтобы раз и навсегда забыть о существовании этой женщины и о твоём прошлом! Я пока не знаю, что ждет нас с тобой, но абсолютно уверена, что больше не хочу слышать ни о твоих бывших «просто подругах», ни о ком-либо еще из того периода твоей жизни! Ты меня понимаешь?! – к моему горлу будто подкатился булыжник.

И в таком состоянии надо держать лицо перед какой-то там Светланой! До меня стало доходить: сейчас Дима будет в компании сразу двух девушек. Эта дамочка наверняка готова, а я-то – с мокрыми глазами, красным носом, вся развалившаяся на куски. Вот молодец! Нет, я не пойду на эту встречу! Что хотят, то пусть и делают. Но Дима уже не хотел ничего слышать о моих протестах.

Мы поймали такси и через десять минут были у почтамта. Дима остался ждать Светлану у входа, я же, чтобы привести себя в порядок, зашла внутрь и пристроилась у столика, где какой-то мужчина заполнял бланк телеграммы.

Закончив колдовать над нехитрым макияжем, я посмотрела в окно: Дима оживленно разговаривал с невысокой симпатичной блондинкой. Мелкая дрожь в очередной раз охватила меня от пяток до макушки. Но на этот раз я не стала поддаваться эмоциям и, глубоко вздохнув, направилась к выходу. На подкашивающихся ногах я подошла «бодрым» шагом к Диме со Светланой и надменным голосом поздоровалась:

– Добрый вечер!

– Здравствуйте, Кира! – девушка повернулась и пристально, очень внимательно, будто желая в одну секунду понять всю мою сущность, посмотрела на меня своими голубыми раскосыми глазами, глазами настоящей красавицы блондинки.

– Приятно познакомиться, меня зовут Светлана.

Она протянула мне правую руку, на безымянном пальце которой красовалось дорогущее обручальное кольцо с огромным бриллиантом. «Значит, действительно вышла замуж!» – пронеслось в моей наивной голове.

– Приятно познакомиться, – дежурная фраза получилась колючей. Я поняла, что держать лицо в таких ситуациях – дело непростое, но затем собралась с духом и изобразила улыбку:

– Ну что, где-нибудь посидим?

– Кирочка, вы же хозяйка, минчанка, может, подскажете, где у вас тут самое уютное кафе? – противным елейным голоском проворковала дамочка.

– Знаете, Светлана, у меня нет времени расхаживать по увеселительным заведениям. Я в них бываю, но не так часто, чтобы знать «САМЫЕ уютные места»! Вот здесь, за углом, есть небольшое кафе, но устроит ли оно вас, москвичку? – не осталась я в долгу.

– А у вас красивый город: чистый, с большими проспектами, – начала расхваливать Минск Светлана.

– Вы уже успели его рассмотреть или не первый раз в Минске? – попыталась прозондировать почву я.

– Немножко погуляла, побывала в парке Челюскинцев, в Ботаническом саду, вчера даже на экскурсию в Хатынь попала, – в ее голосе слышались отчетливые нотки ехидства.

– Так вы приехали в Белоруссию, чтобы познакомиться с нашими достопримечательностями? – парировала я и добавила: – В этом году еще метро откроют, первую линию. Приезжайте – покатайтесь.

Дима только шумно вздохнул, видимо, предоставляя нам возможность перед серьезным разговором выплюнуть скопившийся яд.

Мы вошли в кафе и расположились за столиком. Бедный Дима посмотрел на меня, взглядом умоляя не накалять обстановку:

– Кирюш, она обязательно приехала бы, чтобы покататься в метро, тем более вырытом на болотах. Это очень интересно, но я уже говорил, что Светлана уезжает со своим мужем в Италию.

– Наше метро не на болотах, – обиделась я за любимый город, но решила не менять тему разговора и, потягивая кофе, обратилась к Светлане:

– Не жаль уезжать из своей страны? Ведь в Италии не будет близких, родных, друзей... Или любимый муж заменит всех и сразу?

– С милым рай и в шалаше, а жена должна быть там, где ее муж, не так ли? – Светлана сказала это таким грустным, полным тоски голосом, что на минуту мне даже расхотелось изводить ее своим ёрничеством.

– Что же вы сейчас не рядом? Или все-таки бывают исключения? – обида и боль лились из меня непрерывным потоком.

Наступила тишина. Дима посмотрел на меня печальным взглядом:

– Кирюш, почему ты злишься? Мы со Светланой только друзья, ведь так? – повернув голову к ней, Дима ждал подтверждения.

– Да-да, конечно, просто очень близкие друзья и доверяющие друг другу, поэтому сейчас трудно расставаться, – в голосе девушки я уловила нотки волнения, но, похоже, она умела справляться со своими чувствами, поэтому уже через секунду совершенно ровным тоном продолжила: – Ничего такого, Кира. Будьте спокойны. В Минске у моего отца были дела, вот я и увязалась за ним, чтобы попрощаться с Димой. А когда узнала о вас, то заодно – и с вами познакомиться. Замужество – еще не повод расставаться с друзьями детства по-свински, не прощаясь, не правда ли?

– Так вы здесь с отцом? – от услышанного мне почему-то на секунду стало легче.

– Папа сегодня улетел: срочно вызвали в Москву, а я завтра поеду поездом, – ответила Светлана.

Мы перевели разговор на другую тему и далее обсуждали только достопримечательности Белоруссии.

Через некоторое время Дима вышел на улицу покурить, и мы остались наедине.

– Знаете, Кира, – обратилась ко мне московская гостья, – вы можете не беспокоиться: Дима – хороший человек и друг, вы будете с ним счастливы. У меня тоже все замечательно: мой муж меня очень любит, и вообще...

– Я ничего и не думаю, просто не каждый день встречаюсь с бывшими подругами своего мужчины. Вот и все. Если честно, я бы не поехала, оказавшись на вашем месте, просто написала бы письмо, – ответила я, допивая заказанный сок.

– А вот я приехала – и чтобы вы ничего не подумали, и чтобы не испортить жизнь Диме, попросила его организовать встречу с вами.

– Удовлетворены?

– Да, вполне... А вы? Впрочем, вот и Дима идет. Ну что, пойдем уже?

Дима не спеша подошел к нам и тихим голосом сказал:

– Девчонки, у меня не так много времени осталось. В восемь нужно быть на месте.

– Ничего, мы девушки самостоятельные: я дорогу домой знаю – доберусь, а Светлане здесь вообще рядом, так что поезжай в часть спокойно, – рассудила я.

Но Дима неожиданно занервничал:

– Кирюш, а ты точно доберешься?

– Конечно, я же не маленький ребенок, – посмотрев на Диму, я вдруг отчетливо поняла, что он хочет остаться с ней вдвоем, но вслух произнесла: – Можешь Светлану проводить, если хочешь.

Постаравшись держать себя как можно безразличнее, я изобразила улыбку во весь рот и, дойдя до пешеходного перехода, попрощалась:

– Что ж, Светлана, было приятно познакомиться. Всего хорошего.

Дима поцеловал меня в щеку и на прощание сказал:

– Я позвоню сегодня. Обязательно.

Перейдя дорогу и сев в троллейбус, я поехала домой. Все произошедшее казалось мне теперь дурным сном. Голова гудела, а на глаза навернулись слезы. В голове стучало: «Идиотка!»

Дима звонил целый вечер, но по моей просьбе мама отвечала, что я сплю. Потом – что ушла в магазин, потом еще что-то. К телефону я так и не подошла! Ни в тот вечер, ни на завтра, ни через неделю.

Трагедия Тамары... и страны

Как-то утром, выходя на работу, я обнаружила под дверью букетик тюльпанов. Сомнений не было: их принес, вырвавшись в самоволку, Дима! Цветы подняли мне настроение, и весь день я провела в хорошем расположении духа. Но вечером пришли Лера и Женя.

Открыв дверь, я остолбенела от вида девчонок:

– Что случилось? На вас лица нет.

– У Тамары беда, – еле вымолвила заплаканная Женя.

– Валеру должны вот-вот привезти. В цинковом гробу, – сквозь рыдания подтвердила Лера мои страшные догадки.

Мы хорошо знали Валеру Жуковского – парень жил в соседнем дворе, был старше нас на три года и дружил с Томой с ее пятого класса. Все вокруг понимали: они любят друг друга, а когда Валера вернется – обязательно поженятся. Но жизнь распорядилась иначе.

То, что случилось с Валерой, происходило тогда довольно часто. Чуть ли не каждую неделю с улицы – то ближе, то дальше – доносились звуки похоронного марша. Все как по команде сбегались к месту трагедии, чтобы проводить в последний путь совсем молоденьких мальчишек – бывших одноклассников, соседей, друзей. Их привозили из Афганистана, где в самом разгаре были военные действия и ребята выполняли интернациональный долг. Проклятая война, покалечившая или вовсе отнявшая столько жизней!

Немного успокоившись, я наконец-то начала соображать:

– Хоронить когда будут?

– Завтра. Везли двое суток, к тому же, говорят, он погиб еще неделю назад, – сквозь слезы сообщила Женя.

– А вы как узнали и почему Томка нам ничего не сказала?

– Я встретила возле магазина соседку Валеры, – произнесла Лера. – Надо Томке позвонить, поддержать ее. Представляете, в каком она сейчас состоянии?!

– Конечно, надо, – в один голос согласились мы.

– Не только позвонить. Идти нужно. Но сначала возьмем себя в руки, приведем в порядок лица и успокоимся, иначе помощи от нас никакой не будет, – трезво рассудила Женя.

– Сейчас валерьянки принесу, – я вскочила с кресла и побежала в кухню. Выпив лекарство, мы немного успокоились, а потом приняли решение больше не плакать и изо всех сил держать себя в руках, хотя бы перед Тамарой и матерью Валеры.

Страшное время! Уже стало традицией в таких случаях собираться возле подъезда, где жил погибший. Вот и сейчас небольшими группками около дома стояли люди – и дети, и взрослые. Мы подошли ближе и остановились. Со смертью хорошо знакомого человека мы столкнулись впервые, поэтому не знали, как правильно вести себя, что говорить и о чем лучше помолчать. Но надо было действовать, и Лера, как самая смелая и решительная, скомандовала:

– В общем, так, девчонки: держаться, не плакать! И пока ни о чем у Тамары не спрашивать, все потом. Пока спросим у родственников, может, помощь какая нужна. Пошли.

Мы молча вошли в подъезд, где почти на каждом этаже курили мужчины, а женщины в темных одеждах переходили из квартиры в квартиру с кастрюлями и мисками – видимо, готовили поминальный стол. Дверь квартиры оказалась приоткрыта. Стараясь не шуметь, мы вошли внутрь и сразу же увидели мать Валеры, одетую в черную блузку и такую же юбку. Женщина, еще молодая, ей было чуть за сорок, постарела сразу лет на десять, так что ее трудно стало узнать.

– Здравствуйте, Любовь Терентьевна, – почти шепотом произнесли мы. Она посмотрела на нас совершенно мертвыми глазами, как-то сквозь нас, и так же тихо ответила:

– Здравствуйте, девочки, проходите. Томочка в спальне, к ней идите.

Мы прошли в комнату Валерки, где в окружении каких-то женщин сидела Тамара, поздоровались со всеми и подошли к подруге. Тома, едва взглянув на нас, разрыдалась с новой силой. Было件нятно, что она плачет беспрерывно уже очень давно и нужно как-то ее успокоить, но вместо этого мы сами как по команде расплакались, хотя и собирались держать себя в руках.

Спустя какое-то время я прервала тихие рыдания, прошептав:

– Как это случилось, известно?

– Застрелили ночью, когда он был в карауле. Пуля попала в голову. Хочется верить, что умер сразу, не мучился, – сквозь слезы начала рассказывать женщина, сидящая около Тамары. – А потом, утром, говорят, душманы, моджахеды афганские, под командованием какого-то Исмаил-хана – будь он проклят! – зарезали почти всех наших мальчиков. Сегодня в Белоруссию доставили пятнадцать цинковых гробов, а вообще в Союз – больше пятидесяти.

– А когда домой привезут? – спросила Женя.

– Скоро, – отозвалась Тамара.

Действительно, через минут десять началось активное движение, и в квартиру внесли закрытый цинковый гроб. Любви Терентьевне, как и многим другим женщинам, стало плохо, потом кто-то бегал с каплями, кто-то вызывал скорую, а кто-то просто плакал.

Через некоторое время, немного успокоившись, возле гроба сели родители и сестры Валеры, Тамара и ее мама. Мы же пошли на кухню, чтобы помочь готовящим стол женщинам. Народу собралось еще больше – столько, что похороны стали напоминать правительственные. Во главе с директором пришли учителя и старшеклассники нашей школы, бывшие Валерины одноклассники и молодежь, жившая неподалеку; приехали коллеги родителей Валеры и, конечно же, многочисленные родственники. В итоге из-за количества людей по двору невозможно было пройти. Повсюду яркими пятнами алели, желтели, зеленели цветы и венки.казалось, что горем охвачен весь Минск.

На кладбище, как всегда на похоронах погибших «афганцев», выступил представитель районного военкомата. Похороны получились пышными и, несомненно, затронули сердца всех без исключения. Даже подростки с гитарами, которые каждый вечер оккупировали лестничные площадки многоэтажек и распевали там песни «Машины времени», приумолкли и после случившегося почти две недели не появлялись на глаза. Горе действительно тронуло многих, но главное – могло произойти с каждым парнем, чей возраст приближался к восемнадцати годам...

Один из десяти

Наступил май – самый красивый и яркий месяц года, время обновлений и надежд. Все кругом потихонечку стало оживать. Солнышко, такое редкое и долгожданное, радовало все чаще, согревая и освещая не только Землю, но и наши души, и от этого тепла и света улучшалось настроение и хотелось жить.

После демобилизации Павел поселился у Лерки. Его родители должны были приехать из Молдавии, чтобы познакомиться с отцом и матерью будущей невестки. Свадьбу назначили только на август, а пока жили гражданским браком.

Женя, окруженная несметным количеством кавалеров, никак не могла определиться с выбором и повсюду таскала меня за собой. Я сопротивлялась, так как серьезно готовилась к поступлению в университет. Кроме того, после всего случившегося с Димой не хотелось развлекаться и вообще куда-либо выходить из дому. Дима звонил и настаивал на встречах, но я, вспоминая Светлану, активно сопротивлялась и ссылалась на занятость.

Очередным субботним вечером Женя зашла ко мне и предложила сходить на дискотеку:

– Что ты сидишь дома, как монашка? Ты что, дала Диме обет верности?

– Нет, конечно. Просто не хочется.

– Ну ради меня, Кир. Развлечемся, отдохнем, – уговаривала Женя. – Мне больше пойти не с кем. Лера с Павлом теперь повсюду вдвоем ходят, с ними я буду третьей лишней. Томочка пока не хочет никого видеть – сама понимаешь, ей не до дискотек. Остаешься только ты.

– Ладно, давай, – сдалась я. – Куда пойдём?

– Ура! – обрадовалась Женя и, подхватив сумочку, бросила на прощание: – В шесть тридцать жду у подъезда.

На этот раз мы направились во Дворец культуры железнодорожников, где в полуподвальном помещении работало небольшое и очень уютное кафе. В зале царил полумрак, делавший обстановку таинственной и даже интимной. Здесь можно было оторваться по полной, что, собственно, мы и собирались сделать.

Заняв места у маленького столика, рассчитанного на двоих, мы заказали по бокалу коктейля и стали ожидать начала развлекательной программы.

– Сейчас буду балдеть до потери пульса, гори все гаром, – Женя определенно была настроена на прорыв.

– Только, чур, не напиваться до полусмерти и к мужчинам не приставать, – серьезным тоном предупредила я подругу и добавила: – И окна не бить.

Женя справедливо хотела что-то мне возразить, но тут в зал вошла целая группа красивых высоких мужчин в военной форме. По нашивкам на рукавах мы поняли, что это курсанты минского Высшего инженерного зенитно-ракетного училища – ВИЗРУ. Молодые люди разместились за соседним столиком, шумно обсуждая что-то свое. Естественно, внимание дам, пришедших сюда без кавалеров, отныне всецело было приковано к этой группе. И наше тоже. Мы стали прислушиваться к тому, о чем они говорят, смотреть, куда они глядят... И вдруг я совершенно точно поняла, что среди многоголосья отчетливо слышу хорошо знакомый баритон. Но чей?

Спустя некоторое время развлекательная программа наконец-таки началась, и мы, воодушевленные выпитым коктейлем и большим количеством потенциальных кавалеров, пошли танцевать. Звучали песни наших любимых итальянцев – очень энергичные, заводные, придающие какой-то особый заряд. К нам присоединились еще несколько девушек, а затем еще и еще. Когда начался медленный танец, мы, уже по традиции, пошли в дамскую комнату, чтобы поправить растрепавшиеся прически и подкрасить губки.

На обратном пути меня ждал сюрприз: в коридорчике, соединявшем зал и фойе, стоял Игорь – мой старый знакомый, курсант того самого ВИЗРУ. Мы познакомились, когда он учился на третьем курсе, потом встретились пару раз и разошлись – что-то не срослось, не сошлось. И вот, здравствуйте пожалуйста: Игорь смотрел на меня широко раскрытыми глазами.

– Так вот чей голос я слышала! – подходя к нему, сказала я. – Привет!

– Привет, Кира, очень рад тебя видеть, – Игорь улыбнулся и представил нам своего друга, стоявшего рядом и внимательно рассматривавшего нас с Женей: – Это Александр, мой однокурсник и товарищ, для вас просто Саша. А это Кира и...

– Женя, – подсказала я.

– Какие красивые девушки, – произнес Александр, продолжавший все так же внимательно вглядываться в наши лица. Повернувшись к своему другу, он спросил: – Что же ты молчал, что знаком с такими очаровательными созданиями?

– Я не видел вас в зале, – стал оправдываться Игорь, глядя на нас. – А где ваш столик?

– Вы сидите рядом с нами, – рассмеялась я.

– Да вы что?! – искренне удивился Игорь. – Так ты, значит, видела нас и не подошла?

– Нет, не видела. Правда, мне показалось, что слышу знакомый голос, но вот чей – понять не смогла.

– Девочки, это же здорово! Давайте вместе проведем вечер, а то нас так много, аж десять человек, а девушек красивых мало, – схитрил Саша.

– Так уж и мало, вон – целый зал! Хотя мы не против, к тому же сидим рядом с вами, – согласилась Женя.

С первыми звуками «Феличиты» мы снова отправились танцевать. Настолько весело на дискотеках не было еще никогда! Вот что значит окружение из десятерых кавалеров! Мы купались в мужском внимании, слушали бесконечные комплименты и соизволяли давать свое разрешение потанцевать с нами под медленные композиции. Голова кружилась от удовольствия, а потому мы и не заметили, как танцевальная программа закончилась.

Увы, домой мы поехали без кавалеров, так как ВИЗРУ располагалось на пятнадцатом километре от столицы, а от ребят требовалось вернуться в училище вовремя. Но главное – Женя очень понравилась Саше, это было заметно, да и он ей тоже.

Прогулка с сюрпризом

В первых числах июня Минск особенно красив: даже запыленные и загазованные улицы столицы становятся неотразимыми красавицами. В платье из ярких цветов на фоне буйной зелени город похож на юную девушку, которая держит в руках свечи из распустившихся каштанов и готовится впервые выйти в свет. Солнышко, ласковое и щедрое, проникает своими волшебными лучиками сквозь молодую листву и греет душу всем, даже самым урбанизированным жителям мегаполиса, придавая силы, залечивая раны, даря радость, надежду и любовь. И если человек еще не совсем заледенел душой в погоне за материальными благами, он обязательно заметит эту красоту, бьющую фонтаном буквально отовсюду.

Часа два мы гуляли по парку. Я и Дима. Он пришел ко мне утром, без звонка, не предупредив. В той самой, уже короткой и тесной ему, штатской одежде – демобилизовался и решил нагреть ко мне сюрпризом. Я, конечно, знала, что это должно скоро произойти, но что вот так: «Здравствуйте! Это я, уже гражданский человек!» – не ожидала. Дима свалился мне на голову и стал повторять как заведенный, что хочет быть со мной и намеревается остаться в Минске. Я сдалась и простила. Наконец. Хотя от неприятного «послевкусия» так до конца и не избавилась.

Мы отправились в парк, чтобы все обдумать и поговорить. Димку переполняла радость свободы, он дурачился, даже залез на фонарный столб и, замеченный милиционером, чуть не загремел в опорный пункт. Я же мучительно искала выход из сложившейся ситуации. Дело в том, что домой, вернее, к своей матери, Дима ехать не хотел: ему нужно было разобраться со своим образованием и подумать, как поступить в наш Политехнический институт.

Мы побывали на колесе обозрения, покатались на «Супер-8» и нагулялись вволю, когда стрелки часов показали 21:00.

– Посидим на скамеечке, устала, – взмолилась я. – Ноги натерла.

– Давай, – как-то тихо и очень уж серьезно произнес Дима. – Тем более, я хотел с тобой поговорить.

– О чем? – насторожилась я.

– Кирюш, понимаешь... Я не знаю, с чего начать. В общем, не смогу я без тебя, мне необходимо видеть тебя, знать, что ты... Я хочу, чтобы ты стала моей женой!

В эту минуту мне показалось, что замолчали все: и музыка, звучавшая весь день не переставая, и дети, кричавшие и просившие что-то у родителей на соседней лавочке, и я – потому что не знала, что сказать.

– Что ты молчишь? Скажи что-нибудь, – прошептал Дима.

– Ты сошел с ума, – одними губами произнесла я и попросила: – Пойдем отсюда.

– Куда? – вопрос прозвучал совершенно резонно. – Я ведь пока не покупал билеты, – Дима улыбнулся и, глядя куда-то в землю, добавил: – Да и вообще, пора твоим родителям понять, что я их будущий зять.

– Ладно. Так уж и быть, – «сжалилась» я. – Пойдем ко мне. Сестра уехала отдыхать, будешь пока спать в ее комнате. А там посмотрим, – решительно проговорив это, я потянула его к телефонной будке. Набрал домашний номер, объяснила маме ситуацию. Слава Богу, что у меня такие понятливые родители, которые после некоторого раздумья все-таки согласились приютить Диму – правда, только на две недели, пока не вернется Галка.

– Ну что, домой? – я была совершенно счастлива от того, что Дима хотя бы эти две недельки, но постоянно будет рядом.

– А звучит-то как приятно: у нас теперь общий дом, а ты – моя! Ура!

Я улыбнулась, а вслух произнесла:

– Временно, Дима, временно.

Как и планировалось, он расположился в Галкиной комнате. Мама зорко блюла мою девичью невинность, поэтому если я и заходила к Диме, то совсем ненадолго: у родителей тут же возникала необходимость срочно взять что-нибудь в комнате или сказать мне что-то чрезвычайно важное. Чтобы не волновать родителей, и так совершивших настоящий подвиг, мы с Димой договорились играть по неписанным правилам.

Две недели пролетели незаметно, за это время мы подали документы: он – в Белорусский политехнический институт, а я – в Белорусский государственный университет. Потом Дима уехал к родителям. Меня же, начиная с момента расставания на перроне вокзала, по капельке стала съедать тоска.

Любовь и Люба

– Не представляю, как сдать эту дурацкую сессию: шесть экзаменов, три зачета! – почти уже четверть часа ныла Лера, не желая садиться за учебники.

Как всегда, мы собрались у нее, чтобы, потягивая коктейли, послушать откопанные невесты где ее братом последние записи Риккардо Фольи, обсуждая последние новости и, конечно же, кавалеров.

Мне показалось, что подруги не понимают своего счастья:

– Я бы вот с удовольствием сдавала сейчас сессию, зачеты. Эх, девчонки, какие вы счастливые – студентки! А я какой-то вечный абитуриент!

– Да ладно, Кира, поступишь: ты же готовилась. Справишься, – поддержала меня Женя. Однако все заметили, что сегодня она была какая-то грустная и неразговорчивая.

– И потом, есть у людей ситуации и посложнее, – задумчиво продолжила подруга. – Во всяком случае, по сравнению с учебной и... вообще.

Мы с Лерой как по команде обернулись и уставились на Женю, произнеся в один голос:

– Ты что имеешь в виду?

– Ничего, – всполошилась Женя. – Ничего страшного. Правда!

Она опустила глаза, видимо, догадавшись, что выдала себя.

– Ты, конечно, можешь ничего не говорить, но ведь мы же твои самые близкие подруги. Вдруг сможем чем-то помочь? – Лера решила пойти на хитрость и любым способом выведать у Жени причину ее плохого настроения.

– Ты что, с Сашкой поссорилась? – не утерпела я.

– Нет, с Сашей все в порядке. Это не моя тайна, девочки. Я сама не знаю, чем помочь...

– Ну не крути ты, говори, ведь знаешь, что не скажем никому, – надавила Лера.

– У сестры неприятности, у Любы.

– Господи, она что, заболела?! – воскликнула я.

– Хуже.

– Ничего хуже не бывает, – расслабилась я.

– Бывает.

– Опять на работе неприятности? Я недавно Любку видела на автобусной остановке. Мне она показалась какой-то странной: всегда спокойная, очень корректная, а тут нагрубилась посторонней тетке. Та приставала к ней с каким-то вопросом и, похоже, достала. Люба и послала ее далеко и без хлеба.

Воцарилось молчание. Мы все ждали, что Женя расскажет нам причину бед, но она не торопилась, решая, наверное, говорить ли нам правду.

– Я пойду, девочки, ладно? Не обижайтесь на меня, пожалуйста, – выдавила она и засобиралась.

– Вот блин! Ладно, Женька, только не жди теперь, что мы с тобой будем откровенничать. Секретничать так секретничать, – обиделась Лера.

Я решила вмешаться в разговор, грозивший превратиться в ссору:

– Ну что ты давишь на нее? Она же тебе сказала, что это секрет сестры! Женя, не обижайся на нас, мы только добра хотим – и тебе, и Любе. Когда захочешь, сама расскажешь. Успокойся сначала: на тебе лица нет, как будто кто-то умер!

– Тьфу ты, ёлы-палы! – выругалась Лера.

Женя взяла свою сумочку, направилась к двери и вдруг остановилась, расплакавшись на пороге:

– Вы ведь никому не скажете, правда?

– Конечно, – хором выдохнули мы.

– Вот ты, Кира, говоришь, будто кто-то умер, а это почти правда, – прошептала Женя, вытирая слезы.

– Господи, что же могло произойти? – недоумевала я, на что Лера только молча пожала плечами.

Люба была старше нас на три года – высокая блондинка с правильной и грациозной осанкой, голубыми глазами и великолепнейшей длинной косой, традиционной в Женькиной семье, но все равно диковинной даже по тем временам. Девушка всегда выглядела стильно и ухоженно и неизменно привлекала внимание окружающих. Она воспитывалась в спартанских условиях: в строгости, в семье, где свято соблюдались принципы высокой морали и нравственности, а также в школе, где всем не переставая вдалбливали в голову сначала постулаты пионерии и комсомола, а потом – коммунистические идеалы светлого будущего. Конечно, Люба пользовалась успехом у мужчин, но серьезных романов пока не случилось.

Женькина сестра училась на четвертом курсе БГУ. В прошлом году ее, как и всех студентов, закончивших третий курс по педагогической специальности, отправили летом на практику в пионерский лагерь – воспитывать подростков, вырвавшихся из-под родительской опеки.

Лагерь находился недалеко от Минска, километрах в тридцати, в очень красивом и живописном месте на берегу Исlochи. Новенькие, только что построенные, стационарные корпуса со всеми удобствами располагали к отдыху не только детей, но и взрослых. Почти месяц на

свежем воздухе, в замкнутом коллективе и пространстве неизбежно сплотил педагогов и сделал их практически одной семьей.

Как там случилось на самом деле – неизвестно, но влюбилась наша Любочка в физрука, двадцативосьмилетнего прапорщика из соседней военной части. Он проводил таким образом свой отпуск вдалеке не только от службы, но и от жены с ребенком, о чем Люба, конечно же, тогда не знала. Медленно, но верно развился у них летне-лагерный роман.

Обычно такие романтические отношения не выдерживают испытания привычной повседневной действительностью и даже если продолжают после отпуска-каникул-практики, то очень недолго. Но верить в это никому и никак не хочется, поэтому все, с кем такое происходит, свято уверены: у них-то все непременно будет не так, как у других. Именно их чувство – настоящее, большое и вечное.

Увы! Некоторое время физрук Николай действительно звонил девушке, они встречались в Минске, а потом открылось, что он женат и что... Люба беременна! Женя узнала об этом только вчера, но что предпринять и как помочь сестре – представления не имела.

В середине восьмидесятых «секса у нас в стране не было» – так нам твердили СМИ, школьные учителя и родители. Поэтому большинство советских девушек попросту не знали, как предохраняться, чтобы потом «не было мучительно больно». О том же, чтобы спросить у мамы, речь даже не шла: «До свадьбы – ни-ни!»

Неопытные девочки попадали в страшные ситуации. Рожать нельзя – родители сживут со свету упреками: «Что же люди скажут?», «В подоле принесла». Аборт сделать – целая трагедия. Врачи в поликлинике смотрят волком, могут потребовать разрешение родителей, справки, к этому еще – сроки беременности, анализы и вот это вот все. Анонимных услуг тогда не оказывали – во всяком случае, простым смертным. Кроме всего прочего, сама процедура была безумно болезненной и травмирующей, так как делалась практически наживую. После нее у юных созданий мог выработаться стойкий пожизненный иммунитет к мужчинам как таковым. В общем, попасть в такую ситуацию – и врагу не пожелаешь, а тут родная сестра близкой подруги!

Ситуацию осложняло еще одно обстоятельство: выяснилось, что срок беременности уже почти пять месяцев. И как Любина мама ничего не заметила!? Нужно было срочно что-то предпринимать.

О родах говорить не приходилось: Николай, как только узнал о беременности, бесследно исчез, а у Любы его координат не оказалось. Несколько дней мы искали медиков, кто смог бы помочь бедной девушке, в кругу своих знакомых. И нашли: бывшая одноклассница моей сестры Галки работала в гинекологии одной из городских больниц. Мы назначили ей встречу и рассказали все как на духу, скрыв, правда, имя главной героини событий. Наша спасительница дала нам слово никому ни о чем не рассказывать и пообещала принести какое-то волшебное снадобье, вызывающее преждевременные роды. Господи, мы даже не понимали тогда, что идем на преступление и совершаем убийство. Нам, идиоткам стоеросовым, в голову не приходило, что это живой ребенок! В нашем представлении картина была такой: раз не родился, то еще не человек, а так – абстрактный зародыш! Ведь нам никто, нигде и ни о чем таком не рассказывал. Все, что связано с сексом, находилось под негласным запретом, считалось постыдным и непристойным для настоящих комсомолок. Мы даже придумали, куда девать то, что «родится», – решили, что «зародыша» можно закопать в кустах около близлежащей деревни. Вспоминая сейчас об этом, я содрогаюсь от ужаса: какая дремучесть! Но, видимо, Господу Богу было угодно, чтобы мы не стали грешницами и преступницами, и он все устроил без нас – сказалося Любино стрессовое состояние. Через день после того, как нам пообещали принести снадобье, у нее произошел выкидыш, вернее, уже преждевременные роды. Любу забрали на скорой в больницу, мальчик родился мертвым...

Когда-то у Леонида Филатова я прочитала такие строки: «Хоть нами зачастую правит бес, но и его курируют с небес!»

Утренний гость

– Кира! Тебя к телефону, – позвала мама.

– Кто там? – мне очень не хотелось вставать с любимого дивана. Я усиленно готовилась к вступительным экзаменам и только что удобно расположилась, чтобы повторить очередную тему на французском языке.

– По-моему, межгород, иди быстрее.

Я вскочила как ошпаренная, вмиг сообразив, с кем буду говорить.

– Кириуш, привет! – как всегда, Дима сказал это с придыханием, завораживая и обволакивая меня своим томным голосом.

– Приветик! Ты где? Как дела? – выпалила я на одном дыхании.

– Я в Москве пока. Собираюсь к тебе. Ты как, не против?

– Когда ты приедешь?

– Завтра. Поезд приходит в Минск рано утром, в 7:30. Если я заявлюсь к тебе в районе восьми, спать не будешь?

– Попробую.

– Но я только повидаться: в этот же день переберусь в общагу, БПИ дает. На месяц. Кириуш, у меня только три минуты. Люблю очень, скучаю очень. А ты?

– Я тоже.

– Тогда до встречи. Целую.

Я положила трубку и, радостная, стала думать, как лучше встретить Диму.

Ночь прошла без сна, а под утро, по закону подлости, я, естественно, уснула. Мои все уже разбежались, поэтому на требовательный звонок открыть дверь было попросту некому. Услышав сквозь дрему сверлившую мозг трель, которая раздавалась откуда-то издалека, я вскочила с постели, вмиг стряхнула с себя путы Морфея и подлетела к двери, крича на ходу: «Кто там?»

– А говорила, спать не будешь! – услышала я, ковыряясь в замке. Сердце заколотилось со скоростью отбойного молотка. На пороге стоял Димка с огромной сумкой в руках – уставший, но счастливый.

– Привет! – проговорила я, лихорадочно пытаюсь одной рукой пригладить вздыбившиеся после сна волосы, а другой – запахнуть халатик.

– Приветики! Ты одна? – спросил Дима.

На мой кивок он, едва перешагнув через порог и раздевшись, набросился на меня, будто все еще не верил в реальность происходящего, подхватил на руки и понес в комнату.

– Боже, как же я соскучился! Не знал, как дожждаться момента, когда снова увижу тебя, – с этими словами Дима опустил меня на кровать и стал снимать с меня то небольшое, что еще оставалось на моем трепетавшем теле.

– Димочка, милый, я тоже очень соскучилась, но не надо, ты понимаешь, я пока не готова, не могу сейчас. Ну пожалуйста...

Дима не слушал:

– Я столько ждал этого момента, чуть с ума не сошел. Кириуш... Ведь мы все равно поженимся, я уже и матери с отцом о тебе рассказал.

Я, как могла, пыталась освободиться, но постепенно мое сопротивление сошло на нет: в руках этого мужчины мне было тепло и уютно, а главное – совсем не страшно.

Первая свадьба

Вступительные экзамены прошли успешно – и я, и Дима стали студентами. Правда, я решила продолжать работать, поэтому поступила сразу на заочное отделение.

Тем временем приближалась дата свадьбы Леры и Павла. Мы с подругами решили устроить девичник – собраться чисто женским коллективом, как когда-то, чтобы отметить прощание любимой Лерки с девичьим прошлым и превращение ее в «замужнюю матрону».

Мы сидели в кафе Дворца железнодорожников и потягивали коктейли, по ходу обсуждая свадебный наряд. Платье Лере прислали откуда-то из Прибалтики, а модную шляпку с вуалью привезла будущая свекровь – получилось, на наш взгляд, что-то фантастическое! Накануне вечером невеста примерила все это – и мы единогласно сочли ее неотразимой красавицей!

– А представь, – заметила Тamarочка (наконец-то наша подружка стала оживать после печальных событий), – если б ты напялила на себя то, что висит в салоне!

Красочная картинка предстала в воображении каждой из нас, и мы дружно расхохотались.

1985-й – это год, когда мы, простые жители великой страны под названием СССР, реально ощутили на себе грядущие и свалившиеся на нас перемены. Началась медленная, но верная трансформация всего: развал страны, перестройка экономики и предприятий, разрушение советских устоев с гарантированной работой, бесплатными медициной и образованием. Медленно так, но уверенно. А еще государство в том году проводило безалкогольную кампанию. И если молодожены собирались сыграть не «комсомольскую», а обычную свадьбу с соблюдением всех славянских традиций, то спиртное покупали по талонам загса, причем в сильно ограниченном количестве.

Наступило время, когда о качественных советских продуктах уже можно было слагать настоящие легенды. На прилавках появлялись (и то иногда) одинокие синие трупики куриц – с головами и лапами; периодически в магазинах «выбрасывали» черную говядину, коричневую свинину и некоторые другие «деликатесы», при одном только взгляде на которые аппетит исчезал без следа.

В Минске работал один-единственный свадебный салон. Там одиноко висели одно, ну максимум два свадебных платья совершенно жуткого вида и фасона и такие же мужские костюмы. О хорошей обуви можно было только мечтать. И эту, как сказали бы теперь, «эксклюзивность» и «гламурность» продавали только по талонам загса! Абсолютно все более-менее приличное приходилось «доставать», что родственники нашей невесты успешно и сделали. И еще семьям молодых следовало позаботиться об угощении для гостей, что в те времена приравнивалось к подвигу.

Слава Богу, за три месяца подготовки родные Лерки и Павла все вопросы благополучно решили. Нам же надо было приготовить свои наряды, а мне – еще и сценарий выкупа невесты, украшения для машин и развлекательную программу: на меня возложили почетную функцию свидетельницы невесты, а в те времена это практически приравнивалось к ведущей свадьбы.

– Короче, дорогая, – обратилась я к Лере, – раз ты у нас такая умница-красавица, можешь передать своему Павлику: пока он нас не озолотит, тебя не получит. Я так просто свою подружку не отдам!

– Представляю себе, что вы там устроите! Бедный мой Пашенька! – запрочитала Лерка.

– Не переживай, я проконтролирую, чтоб они не переусердствовали, – успокоила ее Тамара. – Ты думаешь, почему они такие агрессивные? Все из-за того, что ты первая из всех нас замуж выходишь.

– А гулять где будем, в кафе? В каком? Гостей много? – забросала я невесту вопросами.

– Да. В каком-то. Я пока точно не знаю, – Лера подмигнула мне и рассмеялась: – Но уж, конечно, не в квартире, как раньше, с танцами у соседней.

– Ой, а помните, как мы малыши бегали на звук музыки туда, где играли ансамбли на свадьбах? Как было здорово тогда! Весь район собирался потанцевать. И каждый выходной где-нибудь поблизости образовывалась общая дискотека, – окунула нас в воспоминания Женя и продолжила: – Я еще несколько лет назад видела в Минске такую свадьбу у сестры двоюродной. Представляете, человек сто собралось в трехкомнатной квартире. Столы стояли в каждой комнате – не пройти. Танцевали на улице: вокально-инструментальный ансамбль расставил аппаратуру на козырьке подъезда. Все плясали, весело было. А я, девочки, тоже не засижусь...

– С этого места поподробнее, – медленно повернув голову к Жене, произнесла я. – Кажется, ты что-то хочешь нам сказать?

– Ну да, – голос Женьки прозвучал совершенно спокойно, будто бы она говорила об очередном походе в гастроном. – Мы с Сашей тоже собираемся подавать документы в загс. Только сначала надо с родителями познакомиться.

Мы все переглянулись и молча уставились на подругу.

– Что вы на меня так смотрите? В октябре съездим к его родителям... И там будет видно. Взглянув на наши взволнованные лица, Женя предупредила:

– Девочки, только не трепитесь пока. Я вам первым сказала.

– Не поняла, что значит «первым»? А родителям? – удивилась Лера.

– Родители догадываются. Сашка собирается официально предложение делать.

Я решила успокоить подругу:

– Ладно тебе, Женя. Никому не скажем, ты же знаешь.

Но она вернула разговор в первоначальное русло и сменила тему:

– Ай, ладно, сегодня речь не обо мне, а о Лере. Давайте ее пропивать, а меня еще успеете.

Мы нехотя согласились со справедливым замечанием, подняли бокалы за Леру с Павлом и ни о ком больше не вспоминали, делая вид, что нас ничего, кроме их свадьбы, не интересует. Танцевали, флиртовали с незнакомыми парнями, но к окончанию развлекательной программы все-таки загрузили. Становилось как-то не по себе: одна из самых лучших подруг выходит замуж. Несмотря на то, что после свадьбы Лера пока никуда не уезжала и оставалась жить в родительской квартире, в глубине души мы тревожились: среди нас она действительно стала первой.

Свадьба прошла весело и без проблем, даже традиционной драки никто не устроил. Я справилась с ролью тамады на отлично, к тому же рядом все время находился Дима. После праздника уже никто не сомневался, что мы тоже поженимся. Теперь это был только вопрос времени.

Страшный кабинет

Дни потянулись резиной, снова пришла осень, а с ней – совершенно новая жизнь. Дима поселился в общежитии и в первых числах сентября уехал со своей студенческой группой на картошку в колхоз. Я же ходила на работу и сильно скучала по нему. К тому же что-то произошло со здоровьем: вялость, беспричинная усталость и дикая тоска стали ежедневными моими компаньонами. Я не понимала, в чем дело, пока не подошло время обычных женских неприятностей. Время-то подошло, а вот неприятностей все не было и не было...

– Ёлы-палы! Да тебе к гинекологу пулей лететь нужно, чего ты тянешь? – возмутилась Лера, когда я поделилась с ней своей проблемой.

– Ты думаешь, это... – пролепетала я.

– Конечно! И думать нечего. Вялость, усталость и их нет – что тут думать? – продолжала подруга.

В моих глазах потемнело:

– Только этого не хватало! И что теперь делать? Как Диме сказать? Или не говорить...

– Как это – не говорить?! Ты что, думаешь, рассосется, что ли? – негодовала подруга. – Немедленно телеграфируй ему!

– Он сам должен завтра звонить. Мы договаривались. Только я не знаю, как он отреагирует. И боюсь. Господи, а родители? Они же меня с лица земли сотрут! – зарыдала я, переставая вообще что-либо соображать.

– Прекрати немедленно реветь, да и нельзя тебе. Лучше подумай, как сказать Дмитрию: он-то виноват в первую очередь. Слушай, Кирка, а как это у вас вышло? Вы что, совсем первобытные? Ты помнишь, что мы только что пережили с Любкой? И на тебе – ты туда же!!!

Посмотрев на мой жалкий вид, Лера вдруг спохватилась:

– Ой! Прости. Все-все, успокойся. Скажешь Диме, и вы вместе что-нибудь придумаете. Может, он тебе предложение сделает – и ничего предпринимать не придется.

– Ты соображаешь, что говоришь!? Он только что поступил учиться, я тоже. На что жить? У меня не твои родители, готовые помочь. Мои, если узнают, со свету сживут, скажут: «В подоле принесла». Папа еще ничего, а мама не выдержит точно. Все равно надо что-то делать, – я реально представила всю картину, и слезы снова потекли ручьем.

Лера принесла чай с лимоном, напоила меня и вызвала Женю, рассказав ей вкратце обо всем по телефону. Та прилетела через пять минут и запричитала:

– Кирка, не переживай, для тебя главное – успокоиться. Все будет хорошо. Поженитесь, да и все. Вы же любите друг друга.

– Легко говорить, а родители? – вздохнула Лера.

– Да ладно, они же не одни такие. Другие как-то переживают, – трезво рассудила Женя. – Ты успокаивайся, тебе теперь нельзя расстраиваться.

– Я знаю, – согласно кивнула я.

Еще немного посидев с подругами, я окончательно пришла в себя и отправилась домой. Все мое семейство было дома: мама, как всегда, ковырялась на кухне, папа в своей излюбленной позе, лежа на полу, смотрел программу «Время», Галка щебетала по телефону. Когда я увидела такую семейную идиллию, сердце снова сковала боль...

На следующий день я отпросилась с работы и пошла в поликлинику. В голове метрономом стучало: «А если спросят про мужа?» Просидев около часа в очереди, я переступила порог страшного кабинета. В нос ударил запах хлорки, да и старые, ободранные стулья не прибавили оптимизма. Кабинет разделяла на две части белая тканевая ширма, за которой копошилась акушерка.

– Садитесь. Что случилось? – не поднимая головы и продолжая что-то писать в карточке предыдущего пациента, спросила врач – старая рыжеволосая пышногрудая еврейка с очками а-ля пенсне на носу.

– П-п-понимаете, у меня почему-то нет месячных, – заикаясь, не ответила, а отчего-то прохрипела я.

– Вы что, простужены? – оторвавшись от писанины, спросила врач, и ее взгляд вмиг стал очень внимательным. За очками я рассмотрела умные, мудрые и теплые глаза. «Все-таки хорошо, что она еврейка. Говорят, они очень хорошие врачи. Может, даст таблеточку – и весь этот кошмар кончится разом», – подумала я и, вдруг успокоившись, выговорила вслух совершенно нормальным голосом:

– Я? Нет-нет, я здорова. Ну, почти. Наверное.

Врач отложила чужие бумаги, открыла мою карточку и, изучив содержимое, снова обратилась ко мне:

– Так говорите, нет менструации? Сколько дней задержка?

– Ч-ч-четвертый день, – снова стала заикаться я.

– А цикл постоянный?

– Н-ну да.

– Так. Вам восемнадцать лет. Вы замужем?

Боже! Как стыдно! Краска прилила к моему лицу.

– Половой жизнью живете? – громко переспросила вернувшаяся из-за ширмы акушерка. Я сидела красная, как бурак, и не знала, признаваться ли в своем грехе. Но доктор поторопила:

– Так замужем или нет?

– Официально пока нет. Но... Мужчина есть, и мы собираемся скоро расписаться, – последние слова я выпалила на одном дыхании, для пущей уверенности.

– Раздевайтесь, идите за ширму и ложитесь в кресло.

Прошлепав босиком туда, куда показала медсестра, я стала раздеваться...

Когда экзекуция была закончена, доктор дала мне несколько бумажек и успокоила:

– С вами все в порядке. Это могут быть нервы или еще не установившийся цикл после начала половой жизни – такое бывает. Или воспалительный процесс. Вот посмотрим ваши анализы и тогда сделаем выводы. Придете ко мне через три дня.

В душе зародилась надежда – может, все еще обойдется? Три дня показались мне вечно: бессонные ночи, черные мысли и страх смотреть матери в глаза. Но вот наконец наступил долгожданный момент, когда я снова оказалась в знакомом кабинете.

Присев на стульчик, я назвала свою фамилию. Акушерка долго копалась в ворохе бумаг, потом достала из пачки несколько штук и протянула врачу. Та начала внимательно их изучать, приговаривая:

– Так, посмотрим, посмотрим...

Я нервно следила за выражением ее лица, пытаюсь прочитать на нем свой приговор. Однако через секунду врач, взглянув на меня, жалкую и дрожащую, улыбнулась:

– С вами все в порядке. Это нервы и гормональная перестройка организма. Такое бывает с началом половой жизни, – сказала она, протягивая рецепт. – Попьете витамины, затем вот эти таблеточки – и все будет еще лучше. Не переживайте.

От этой пожилой женщины действительно исходило какое-то спокойствие. Поблагодарив, я, совершенно счастливая, покинула поликлинику и пулей полетела домой. Диме о своих проблемах решила ничего не говорить: он ведь мужчина, может и не понять. Жизнь понеслась по прежнему руслу, а через неделю мои вопросы отпали сами собой. И я твердо решила отныне не экспериментировать со своим здоровьем.

Заглянуть в будущее

Когда мы встретились в очередной раз, Женя сообщила, что Сашка попросил ее руки и сердца у родителей и те уже дали свое согласие на свадьбу. У Александра срочного решения требовал семейный вопрос: парень учился на последнем курсе, впереди маячили далекие военные гарнизоны, а туда лучше сразу явиться с женой. Поэтому молодые отправили телеграмму и стали ждать приезда Сашиных родителей. Женька нервничала: почему-то она была совершенно уверена, что не понравится будущим родственникам.

Чтобы поддержать подругу, в один из вечеров я, Женя, Лера и Тамара отправились с ней выпить по чашечке кофе в любимом кафе. По дороге Женя вдруг увела вперед Тамару и стала активно шептать той на ухо что-то, видимо, очень важное. Лера же, периодически страдавшая нехваткой деликатности, не выдержала такой таинственности и раздраженно, громко, чтобы девчонки услышали, сказала:

– Девушки-красавицы, а мы вам не мешаем?

– Ой, извините нас, – Женька обернулась и, осознав свою ошибку, стала извиняться: – Я просто кое-что хотела у Томочки выяснить. Это никакие не секреты.

– Если не секреты, зачем же тогда вперед убегать? Могли бы и без нас пошептаться. Потом как-нибудь, – шипела Лера.

– Да ладно вам. Забудем. Мы уже пришли, – попыталась сгладить ситуацию я.

В кафе мы заказали по кофе, но Лерка с ее характером никак не хотела униматься, исподлобья поглядывая на подруг:

– Так когда должны приехать родичи твоего кавалера?

– Через неделю-две, наверное, – ответила Женя и, перехватив взгляд Леры, попросила: – Хватит тебе уже. Ничего мы с Томой от вас не скрывали. Просто я не знала, как вы к этому отнесетесь, вот и решила сначала спросить наедине.

Мы все вопросительно уставились на нашего пинкертона.

– Ладно, – сдалась наконец Женя. – Чтобы вы не обижались, скажу: я решила обратиться к гадалке и выяснить, надо ли мне выходить замуж за Сашку.

Я и Лера как по команде вытаращили глаза.

– Да. Что вы так смотрите? Я не хотела говорить. Меня мучают сомнения, и я боюсь. Вот и решила. А у Томочки есть какая-то женщина на примете. Вот! – выпалила Евгения.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.